

С. Хованский

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ: ИТОГИ ШЕСТИЛЕТНЕЙ БОРЬБЫ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ*

Война в Афганистане уже 6 лет является одной из наиболее сложных и болезненных проблем советской внешней политики. Она усугубила кризис разрядки международной напряженности, осложнила отношения между СССР и Китаем, вызвала неприязнь к Советскому Союзу в мусульманских странах и создала огромные трудности для советской политики по отношению к Третьему миру. Более того, война во все возрастающей степени становится серьезным фактором и внутренней жизни СССР. Она является тяжким бременем для экономики, ведет к росту числа человеческих жертв, к возникновению стихийного движения протеста в низах советского общества и расслоению в его верхах.

Некоторые западные аналитики объясняли и продолжают объяснять отправку советских войск в Афганистан стремлением кремлевского руководства создать на его территории военно-стратегический плацдарм для установления своего жесткого контроля над зоной Персидского залива и вообще для дальнейшей советской экспансии в районы Среднего и Ближнего Востока. Однако это звучит неубедительно. Афганистан никогда не принадлежал к числу центральных точек мировой политики и естественно, что информация об этой стране была весьма скудной и не удостоивалась должного внимания. Недостаточная информированность и часто поразительная некомпетентность ответственных лиц администрации Л. Брежнева привели в 1978—1979 гг. к целой серии авантюристских решений, которые, в конце концов,

* Статья самиздатского автора печатается без его ведома.

вергли СССР в кровопролитную войну. В то же самое время традиционно равнодушные к Афганистану и еще пребывающие в шоке от поражения во Вьетнаме США с самого начала заняли пассивную позицию по отношению к роковому развитию событий в этом районе. Даже открытая интервенция СССР не изменила этой позиции, по крайней мере, существенно. Пассивность ее начала таять лишь после того, как выяснилось, что советские войска не в силах сломить афганское сопротивление. Не исключено, хотя и маловероятно, что американская администрация сознательно не препятствовала в конце 70-х годов проникновению СССР в Афганистан, надеясь, что кремлевские правители устроят здесь себе свой „Вьетнам”. Действительно, советское влияние росло под грохот разгоравшейся гражданской войны и потому можно было предположить, что выгоды этого роста будут с лихвой перекрыты его издержками. Но как бы там ни было, неоспорим тот факт, что Соединенные Штаты слишком долго не пытались охладить воинственный пыл Москвы, оставаясь безучастным свидетелем разворачивавшейся трагедии. Примерно с 1983 г. американская политика по отношению к Афганистану стала заметно более активной, и это сделало надежды советских руководителей на военное решение проблемы еще более эфемерными. Поэтому сейчас решение афганской проблемы возможно лишь на пути преодоления силы политической инерции, т. е. признания со стороны Советского Союза если не преступности, то ошибочности авантюризма этой войны, и начала переговоров между всеми вовлеченными в конфликт сторонами.

Пойдет или нет по этому пути новое советское руководство во главе с М. Горбачевым? Ответ на данный вопрос может дать внимательный анализ итогов шестилетней вооруженной борьбы в Афганистане и внутреннего положения в самом Советском Союзе.

С первых же дней своего пребывания в Афганистане советский „ограниченный контингент” столкнулся с многочисленными и совершенно непредвиденными трудностями. Сценарий декабрьского вторжения был составлен по образцу действий советских войск в Чехословакии в августе 1968 г. Однако если в Чехословакии интервенты не встретили ни организованного, ни

тем более вооруженного сопротивления, то в Афганистане с самого начала пришлось вести тяжелые бои. Это, видимо, было настолько неожиданно, что при штурме правительственного дворца в Кабуле 27 декабря 1979 г. было убито не только множество солдат и офицеров советской воздушно-десантной дивизии, но даже первый заместитель министра внутренних дел генерал Папутин. Для того, чтобы полностью установить контроль над Кабулом, в частности, обезоружить почти весь афганский гарнизон, потребовалось несколько дней. За это время правительственная армия и администрация на местах успели в значительной степени развалиться. Целые подразделения афганских вооруженных сил переходили на сторону партизан. Прежде чем Бабрак Кармаль, привезенный из Ташкента в Кабул по окончании боев, сумел установить свой контроль над военным и партийным аппаратом, армия успела сократиться на две трети (с 90 тысяч до 30 тысяч) и фактически полностью утратила боеспособность.

Вторжение в Афганистан выявило, что советские войска недостаточно хорошо обучены и плохо организованы. „Кадрированные”, или, как их называют военные, „кастрированные” дивизии оказалось крайне трудно превратить в боеспособные воинские подразделения. А для захвата Афганистана руководство советской армии первоначально как раз и мобилизовало резервные дивизии Среднеазиатского военного округа. В этом округе в конце 1979 г. находилось всего 6 дивизий и при том укомплектованных на 70 процентов. В результате, по крайней мере, две дивизии в составе сил, брошенных в соседнюю страну, были „кастрированными” дивизиями 3-ей категории, состоявшими не столько из русских, сколько из жителей Средней Азии. Они срочно были пополнены местными резервистами, большинство из которых провели свою предшествующую службу в строительных батальонах, орудуя киркой и лопатой или работая на железной дороге. Когда их демобилизовали, они автоматически были зачислены в списки местной дивизии, куда их и направили накануне афганской операции. Поэтому мотострелковые дивизии, использованные на начальном этапе вторжения, хотя и выглядели весьма воинственно, но их личный состав имел исключительно небольшой опыт в обращении с бро-

нетранспортерами, артиллерией, минами и другим современным оружием. К тому же обнаружилось, что многие призывники-мусульмане политически ненадежны. Политорганы объясняли ввод советских войск в Афганистан вторжением в него китайцев и американских наемников, но почти все запасники из Средней Азии, в особенности таджики, понимают язык многих афганских племен и, прибыв в Афганистан, они легко убедились, что никаких китайцев или американцев там не было и нет. Когда уроженцев Средней Азии стали заменять славянами (русскими, украинцами, белоруссами), то возникли иные проблемы. Солдаты были явно не готовы к войне в тяжелых горных условиях, в чужой, непонятной стране; были плохо обучены (даже в тех случаях, когда их специально готовили для отправки в Афганистан).

Неприятной неожиданностью для командования экспедиционного корпуса оказалась низкая эффективность тяжелых танков: предназначенные для действий в равнинной местности, где они представляют внушительную силу, танки не смогли реализовать свои боевые возможности в горах; кроме того, они постоянно выходили из строя. Позднее, по ходу войны, предпринимались попытки усовершенствовать технику, но афганские партизаны, в свою очередь, стали получать все более современное оружие и приобрели боевой опыт, опыт борьбы с механизированной армией. Наиболее эффективным оружием зарекомендовали себя боевые вертолеты Ми-8 и Ми-24. Тем не менее уже в первые 18 месяцев войны партизаны, имея лишь самые примитивные зенитные средства, уничтожили около 250 таких машин. В январе 1982 г. с помощью трофейной ракеты советского производства даже сбили вертолет, в котором летел генерал П. Шкидченко. Помимо неэффективности использовавшегося советскими войсками тяжелого вооружения на ход военных действий оказывали существенное воздействие отсутствие опыта противопартизанской войны и неразработанность тактики борьбы в горных условиях.

Однако главная причина военных неудач советской армии вторжения лежала все же не в качестве оружия, не в организационных и управленческих трудностях, а в психологии. Советские солдаты, которым объяснили, что они должны оказать „ин-

тернациональную братскую помощь” афганскому народу, на деле вместо признательных им масс встретили всеобщую ненависть и всенародное сопротивление. Это вызвало деморализацию оккупационных войск. Среди военнослужащих стала распространяться наркомания (беспрецедентное явление в истории советской армии). Ради приобретения наркотиков некоторые солдаты и офицеры вступали в „коммерческие отношения” с неприятелем, сбывая ему вооружение, боеприпасы, обмундирование, продовольствие. Другим проклятием экспедиционного корпуса стала контрабанда. Примерно с 1982 г. советская пограничная таможня была вынуждена обыскивать военные конвои, направляющиеся в Афганистан или идущие оттуда. Деморализация солдат и офицеров сопровождалась все большими жестокостями по отношению к мирным жителям. В феврале 1985 г. специальная комиссия ООН по правам человека обвинила советский „ограниченный контингент” в том, что „Женевские конвенции об отношении к мирным жителям и военнопленным почти полностью игнорируются”. По словам эксперта ООН, советские войска виновны в „бомбардировке деревень, убийстве мирных жителей и массовых казнях захваченных партизан”.¹ Рассказы же самих солдат, возвращающихся с войны, о расправах над безоружными людьми еще более ужасны. Совершенно очевидно, что войска, действующие подобным образом, не могут быть дисциплинированными и самоотверженными на поле боя. Участие солдат в карательных акциях подорвало их боевой дух.

В первый период войны — в 1980—1981 гг. — у партизан не было современного оружия. Лишь в конце 1981 г. стало поступать советское оружие из Египта. Кроме того, большое количество оружия, правда устаревшего, было захвачено партизанами у правительственных войск или передано им дезертирами. В 1980 г. к партизанам уходили целые подразделения регулярной афганской армии во главе с офицерами. Массовые дезертирства имели место и позднее. Несмотря на острую нехватку оружия, слабую помощь из-за рубежа и внутренние разногласия, „муджахиды” сумели нанести весьма заметный урон оккупантам и сорвать их замыслы, установив свой контроль над страной. Интервенты закрепились лишь в городах и более или менее

контролировали важнейшие транспортные артерии Афганистана. Партизаны устояли перед натиском советской бронированной армады, опираясь на собственные силы (!!!) — в этом состоял главный итог первого периода борьбы.

К 1982 г. стало совершенно ясно, что война приобрела затяжной характер и советский интервенционистский корпус не может надеяться на скорую победу. Однако и партизаны не имели достаточных сил, чтобы нанести оккупантам решающее поражение. Основным смыслом событий второго периода войны — 1982—1985 гг. — свелся как раз к подготовке партизанами предпосылок для выхода из этого ничейного, обескровливающего обе воюющие стороны тупика. В первые годы после советского вторжения движение сопротивления страдало от того, что оно полностью укладывалось в рамки типичной крестьянской войны со всеми присущими ей недостатками. Партизаны не воевали вдали от своих родных мест, и потому ими было чрезвычайно трудно маневрировать, трудно было использовать успех, достигнутый на одном участке фронта, для развития наступления на других его участках. Впоследствии выдвинувшиеся в ходе боев блестящие партизанские командиры, в первую очередь, комендант Панджшера Массуд, сумели соединить крестьянскую войну с действиями регулярных формирований. Сейчас, по западным данным, вожди афганского движения сопротивления располагают на территории страны, т. е. в зоне возможных или реальных боев, 30 тысячами профессиональных бойцов и 300 тысячами иррегулярных. Последние после проведения военной операции возвращаются к своим мирным занятиям, ожидая очередного приказа выступить с оружием в руках. С 1982 г. поставки оружия, боеприпасов и других видов военного снаряжения стали быстро возрастать. С 1983 г. улучшилось снабжение партизан противотанковым оружием, что привело к росту потерь в советских войсках. В 1984—1985 гг. было получено много оружия из Китая и США, а также из Западной Европы (безоткатные пушки, минометы, зенитные ракеты, противотанковые мины; гранатометы и огнеметы, автоматы модели "62-S", копия советского АК-47, и т. д.). Резко улучшилось и качество боевой подготовки партизан. Они научились эффективно использовать новое оружие. В итоге этих перемен к концу

1984 г. большая часть территории страны была либо под полным контролем партизан (60%), либо под двойным контролем (30%). В 1982—1984 гг. из среды партизанских командиров выдвинулся и лидер, явивший пример военной организации и социальных мероприятий для всего движения сопротивления, — уже упоминавшийся Массуд. Под его руководством повстанцы сумели отразить в эти годы 7 массированных советских наступлений, в которых участвовали десятки тяжелых бомбардировщиков, сотни боевых вертолетов, танков, бронетранспортеров, тысячи солдат. Его военные победы побудили политических лидеров сопротивления, тратящих большую часть времени в Пакистане на интриги друг против друга, призвать своих сторонников внутри Афганистана объединиться вокруг Массуда. Таким образом, линия на создание единого фронта борьбы одержала первую серьезную победу.

Третий период войны — с 1985 г. — характеризуется утратой советскими войсками стратегической инициативы и переходом на важнейших участках борьбы к обороне. Увеличение числа противовоздушных и противотанковых средств партизан достигло такой степени, что сделало наступательные операции советских войск крайне рискованными, а часто просто бессмысленными. Сражения за стратегически важные опорные пункты начинают затягиваться на многие месяцы и сопровождаться переброской значительных сил и большими потерями с обеих сторон. Это уже со стороны партизан не крестьянская война, а если и она, то ее третий этап — штурм городов (например, сражение за г. Хост в провинции Пактия). Как известно, теория современной партизанской (крестьянской) войны, разработанная Мао Цзэдуном и другими радикальными военными теоретиками Третьего мира, предполагает, что движение должно пройти три этапа — создание базы в деревне, окружение и изоляция городов, штурм городов. По всей видимости, в Афганистане наблюдается переход от второго этапа к третьему.

Анализ хода и итогов афганской войны показывает, что спустя 6 лет со времени ее начала советские войска оказались дальше от победы, чем это было в первый день вторжения. Вообще опыт XX столетия свидетельствует, что при умелом руководстве, поддержке населения и неослабной помощи извне

партизанское движение практически невозможно подавить. И чем менее радужными являются перспективы военного решения, тем больше необходимость в урегулировании политическом.

Военные неудачи в Афганистане неизбежно должны усиливать в советском руководстве позиции реалистически мыслящих политиков. Это тем более вероятно, ибо афганская война, как уже отмечалось, была результатом явно ошибочных действий прежнего, брежневского руководства. Действительно, в 1960—1970 гг. Москва щедро помогала Афганистану и создала там таким образом сферу своего влияния, которая была признана Западом. Однако, затем, когда кремлевские правители попытались активно вмешаться в афганские внутренние дела, чтобы установить в стране режим „социалистической ориентации” (до сих пор непонятно зачем?), они столкнулись с упорным сопротивлением местного населения. Опасаясь свержения просоветского правительства, СССР был вынужден принять еще более непосредственное участие во внутренней политике Афганистана. В конечном итоге пришлось ликвидировать находившегося там у власти марионеточного правителя и ввести 120 тысяч солдат, чтобы поддержать новую марионетку и подавить партизанское движение. Это был акт скорее отчаяния, чем продуманной политики. Новое кремлевское руководство во главе с М. Горбачевым вполне может считать себя невиновным в афганском кризисе, и это создает благоприятные условия для начала примирительных переговоров с афганцами. Сесть за стол переговоров Москву вынуждают не только поражения на поле боя, но и то бремя, каким является война для советской экономики. Она отвлекает огромные средства в тот момент, когда СССР столкнулся с глубоким структурным кризисом своего хозяйственного развития, когда Горбачев, осознающий бедственность сложившейся экономической ситуации, провозгласил широкомасштабную программу ускорения темпов роста народного хозяйства на основе научно-технического прогресса. Разумеется, что ведение войны и техническое перевооружение экономики совместить довольно сложно. Кроме того, по мере роста числа людских потерь советских войск (они по самым скромным подсчетам составили за 6 лет 10 тысяч убитыми и 25 тысяч ранеными), усиливается недовольство аф-

ганской войной в тех слоях населения СССР, откуда рекрутируются солдаты. Примечательно, что среди народов, населяющих окраины страны, это недовольство все чаще приобретает форму открытого сопротивления. Такие акты протеста быстро и беспощадно подавляются, и потому информация о них редко становится достоянием общественного мнения. Тем не менее широко известной стала демонстрация протеста, состоявшаяся весной 1985 г. в Ереване. В июне того же года в Астрахани произошло столкновение призывников, прибывших в этот город с Северного Кавказа, главным образом, чеченцев, с военным начальством, объявившим им, что их будут готовить для отправки в Афганистан. Чеченские юноши категорически отказались отправиться туда, объяснив это нежеланием воевать, следовательно, убивать единоверцев-мусульман. В ходе ожесточенного столкновения, исход которого решили войска, были убитые и раненые с обеих сторон, конечно, отнюдь не в равной пропорции. Это, возможно, первый случай антивоенного протеста в СССР, подавленный с применением огнестрельного оружия. Обстоятельное знакомство с этими и многими другими аналогичными фактами все же не позволяет надеяться на создание в ближайшее или отдаленное время мощного антивоенного движения, сравнимого с тем, какое потрясло Соединенные Штаты в конце 60-х начале 70-х годов. Афганская война является важным, но не центральным пунктом советской политической жизни. К тому же сила репрессивного аппарата в СССР во много раз выше, чем в США, а политическая активность масс во много раз ниже. Тем не менее, советское руководство не может не считаться с актами массового антивоенного недовольства в стране. Однако трезвомыслящие кремлевские политики еще не заявили о себе в полный голос. Правда, в день, когда писалась эта статья — 21 декабря 1985 г. — в центральной газете КПСС появился беспрецедентный материал — статья без подписи (что подчеркивает ее официальный статус) под названием „За расширение социальной базы афганской революции”. Начинается она с фразы: „Начать широкий диалог”. Затем следуют удивительные для советской печати признания: „Далеко не все в Афганистане, даже в трудящихся слоях, приняли апрельскую революцию, политику народной власти...”; „... ошибки первого

этапа революции — увлечение революционной фразой, форсирование социальных реформ без должного учета реальной обстановки, ответственности и национальной специфики страны". И, наконец, главное: „Чтобы снять накопившиеся предубеждения, развеять заблуждения, требуется время. Надо создать атмосферу позитивного диалога между общественными и политическими силами, в том числе и теми, которые пока придерживаются враждебных революции позиций, во имя национального возрождения Афганистана".²

Эта статья, пожалуй, первое серьезное указание на то, что в правящих кругах СССР намечается сдвиг от военного подхода в решении афганской проблемы к политическому. В то же время значительную активность проявляет реакционное, открыто шовинистическое крыло советского руководства, связанное с прежними руководящими деятелями страны и влиятельными военными. Один из рупоров, писатель А. Проханов, в статье, опубликованной в „Литературной газете”,³ изложил взгляды этого крыла очень ясно: Война лучше мира. В мирное, благоустроенное время мы разложились. Армия закисла в гарнизонах и отвыкла от настоящей борьбы. Война нас освежит, армию подтянет, нацию омолодит. Автора статьи уже радует, что молодежь, раньше без устали слушавшая Высоцкого, теперь, строгая, молча слушает „баллады” о том, как советские солдаты отбивали атаку душманов, „как грохотал наш грозный „акаэс”. Не упомянул Проханов ни о социализме, ни об интернационализме, ни о социальном прогрессе. О революции сказал один раз в связи с ... афганской экзотикой. Мы, заявляет он, защищаем в Афганистане „державное дело” (!!!) и воюем за „равновесие глобального пространства”, за „пространственное равновесие”, т. е. другими словами, за все то же пресловутое „жизненное пространство”. Вне всякого сомнения, Проханов — достойный преемник лидера черносотенцев Пуришкевича.

Но как бы ни бесновались советские шовинисты и гегемонисты, политическое урегулирование афганского кризиса — фактор, обусловленный обстоятельствами сугубо объективными, непреходящими. Москва рано или поздно (лучше, конечно, чтобы это произошло как можно раньше) должна осознать

необходимость равноправного диалога как единственного способа своей деятельности в Афганистане. Исходя из этого, посмотрим, каким может быть политическое решение проблемы. Ясно, что односторонний уход советских войск из Афганистана не приведет к окончанию кровопролития, окончанию гражданской войны. Поэтому, если СССР стремится прекратить войну и одновременно получить стабильное дружественное государство на своей южной границе, следует начать прямые переговоры с „муджахиддами”. Разумеется, необходимо прежде всего признать их воюющей стороной, отказавшись от попыток изобразить партизан как бандитов („душманов”) и контрреволюционеров („басмачей”). Не мешает здесь вспомнить, что царское правительство относилось к своим военным противникам в Средней Азии и на Кавказе с большим уважением. Более конкретно, прямые переговоры должны вестись с политическим руководством афганского сопротивления — во всяком случае с группами Гилани и Раббани, способными сформировать будущее коалиционное правительство независимого и нейтрального Афганистана. Чем быстрее начнется процесс политического урегулирования, тем меньше будет влияние третьих стран (Запада, Ирана или Пакистана) на будущее правительство республики. Независимо от политических переговоров с партиями оппозиции требуется внутреннее соглашение о прекращении огня с Массудом и другими лидерами такого типа на местах. Прецедент уже был — Массуд заключил с советскими войсками такое соглашение на ограниченный срок в 1984 г. Вывод войск должен быть постепенным. Некоторое количество солдат из числа советской оккупационной армии может остаться в стране на время переходного периода. На переговорах следует добиваться гарантий для советских границ и неприкосновенности для лиц, сотрудничавших с советской и кармалевской администрациями, но не виновных в каких-либо преступлениях. Уход советских войск может сопровождаться проведением свободных выборов. Образцом урегулирования для Афганистана могла бы послужить Родезия, где силы борющихся сторон были в конечном счете интегрированы в единую армию. Естественно, что Афганистан в любом случае будет весьма нуждаться в советской экономичес-

кой помощи и специалистов, и это даст определенные козыри СССР на переговорах и позволит надеяться на почетный мир. Условием такого успеха, однако, является своевременное и радикальное изменение политики и прежде всего готовность СССР к компромиссу.

Антивоенное движение в нынешней ситуации способно сыграть не решающую, но важную роль, способствуя изоляции „прохановцев” в обществе и укрепляя позиции реалистов среди правящей верхушки. С другой стороны, антивоенные демонстрации, имевшие место в 1985 г., являются важным политическим фактором сами по себе. Они свидетельствуют о сдвигах в настроениях масс — по крайней мере, на окраинах страны. На место апатии и деполитизации брежневской эпохи приходит новая социальная активность. И, наконец, последнее: поиски выхода из афганского тупика сближают умеренных реформистов, действующих в верхних эшелонах системы, с прогрессивными и левыми течениями, выступающими с более радикальных позиций. Эти течения еще только формируются, и их будущее зависит от общей динамики политической обстановки в нашей стране, от того, какими темпами и насколько далеко пойдут обещанные группой Горбачева перемены. Половинчатость бюрократических решений сама по себе является одной из гарантий того, что в обществе найдется место для более радикального варианта реформистской идеологии. Афганская война может дать левому крылу советского реформизма важный моральный стимул. Хотя ее роль не столь значительна, как роль вьетнамской войны в американском обществе 60-х годов, нельзя не провести некоторых параллелей. И в данном случае история молодежной оппозиции в США и новых левых представляет несомненный интерес. Антивоенные настроения советской молодежи уже стали серьезной проблемой для руководства Вооруженных Сил. Если эти настроения приобретут более четкую политическую окраску, это может иметь серьезные последствия для всего общества.

Не исключено, что поиски демократического решения для Афганистана и общая борьба с „прохановцами” помогут формированию единого левореформистского блока, выступаю-

щего за перемены не только в афганском вопросе. Поэтому для оптимизма, безусловно, есть некоторые основания. Но как бы ни сложились события в будущем, уже сейчас необходимо делать все возможное для скорейшего прекращения бессмысленного кровопролития.

В этой связи хотелось бы надеяться, что следующая фраза из уже цитировавшейся статьи в „Правде” будет руководством к действию:

„Преодолеть разногласия, естественно, не просто. Примирение предполагает известные компромиссы”.⁴

Если эта надежда сбудется, тогда мир на многострадальной земле Афганистана воцарится непременно.

21 декабря 1985 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 International Herald Tribune, Febr. 28, 1985.
- 2 „Правда”, 21 декабря 1985 г., стр. 4
- 3 „Литературная газета” 28 августа 1985 г., стр. 14.
- 4 „Правда”, 21 декабря 1985 г., стр. 4.

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Москва, май 1986

О смене руководства в Афганистане в наших газетах поразительно мало. Речь Наджиба на пленуме ЦК НДПА не воспроизведена в „Правде”. Первое его выступление для корр. ТАСС (непонятно — интервью или заявление?) опубликовано только сегодня 13 мая, т. е. почти спустя неделю! Более того, до сих пор не названо имя тов. Наджиба (хотя имя у него есть).

Кроме того, „товарищ Наджиб”, возглавлявший службу безопасности и лично несущий ответственность за массовые расстрелы, казни и пытки патриотов — не идеальный человек для проведения политики „широкого диалога” даже в нынешнем московском понимании. Если идут поиски урегулирования, то почему Бабрака сменили на еще более одиозную фигуру?

Все это вызывает недоумение. Расскажу свою версию. Не исключено, что переход власти в руки Наджиба — превентивный переворот, осуществленный противниками урегулирования среди афганской верхушки (теми, кому больше всего грозит любой компромисс, самыми одиозными фигурами), быть может, с согласия или с ведома части военных и дипломатических советских кругов в Кабуле. Короче говоря, это попытка ястребов (и советских и афганских) предотвратить любое урегулирование на самом раннем этапе. Тогда понятна и сдержанность Москвы и неинформированность официальной прессы.